

Интервью с Марией Олеговной МАКУШЕВОЙ

«БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МОИХ ПРОЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВЯЗАНА С ЯМАЛОМ»

Макушева М. О. — окончила социологический факультет Российского государственного педагогического университета (2009 г.), кандидат социологических наук (2013 г.). Независимый исследователь и эксперт Департамента внутренней политики ЯНАО.

Основные области научного интереса: социально-политическая ситуация, этничность, территориальная идентичность, социология языка и семантика

Интервью состоялось: апрель-июнь 2015 г.

Первые дни июля 2015 года. Закончено интересное и порождающее множество вопросов историко-аналитического характера интервью с Марией Олеговной Макушевой.

В моей стратификации поколений советских / российских социологов Мария представляет VII когорту, сейчас — младшую в возрастной иерархии нашего профессионального сообщества. К этой страте я отношу тех, кто родился в промежутке 1983-1994 гг., это первое постперестроечное поколение отечественных социологов. Они не только вошли в социологию в постсоветское время, но и их ранняя социализация проходила уже в новой России. В конце года самым старшим из VII поколения будет 32 года, младшим — 21 год. Это означает, что столетний юбилей современной советской / российской социологии, который будет отмечаться в 2058 году, многие из них встретят полными сил и планов исследователями и преподавателями.

2 июля ушел из жизни один из самых ярких наших социологов — Владимир Александрович Ядов, стоявший у истоков отечественной социологии, — автор первого в СССР учебника по социологии. И с каким интересом в начале второй половины XXI века будут слушать молодые ученые воспоминания социологов VII поколения о том, что они слушали лекции Ядова или хотя бы видели его. Это будет памятный всем присутствующим момент связи многих поколений российских социологов...

Интервью с Марией — девятое с представителями ее поколения, пока — таких немного, но это число может быть и будет увеличено. Однако уже сейчас видно отличие VII поколения от старших когорт, особенно — первых четырех. Главное: молодые входят в социологию, официально признанную самостоятельной наукой, при желании они могут осваивать различные социологические парадигмы и разные исследовательские методы. Они с детства осваивали компьютер и правила поведения в сложном информационном мире. Готовя свои первые публикации, работая над текстом кандидатских диссертаций, они не думали о цензуре. Они рано, кто в студенческие годы, кто несколько позже посещали зарубежные научные центры, учились в Западных колледжах, многие из них чувствуют себя не только членами российского социологического сообщества, но — международного.

Рассказанное Марией дает нам пример раннего осознания своих интеллектуальных интересов и достаточно быстрого вхождения в пространство добротной российской и зарубежной литературы. Позже это вылилось в ее интерес к истории изучения социальной обусловленности языка, теме, лежащей на стыке философии, социологии и социальной психологии. Можно с высокой уверенностью утверждать, что исследование этой проблематики стало возможным лишь для социологов VII поколения.

И последнее. Так скучилось, что после окончания Российского государственного педагогического университета в Санкт-Петербурге, завершения там же аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации Мария сделала неожиданный для прошлых времен шаг — отправилась работать на Ямал. Там она включилась в анализ важных для региона социальных проблем, пробует свои силы как в исследовательской, так и консультативной деятельности. Возможно, мы встречаемся здесь с сигналом о зарождении нового тренда — расширение географии социологических исследований в России. Это может стать одной из функций социологов VII поколения.

Макушева М. О. «Большая часть моих проектов действительно связана с Ямалом»

Мария, Вы, насколько я понимаю, учились в Петербурге, а сейчас работаете на Севере, в Салехарде. Вы и родом из того северного края? Пожалуйста, расскажите о том, где Вы родились, кто Ваши родители, сколь глубоко Вы знаете историю своей родительской семье?

Большая часть моих проектов, действительно, связана с Ямалом. Я провожу здесь много времени. И это не только Салехард, а весь автономный округ — я беру интервью, модерую фокус-группы с городским и сельским населением, планирую количественные исследования и занимаюсь анализом данных, готовлю аналитические материалы. И с Ямалом, так уж получилось, оказались связаны мои собственные, не прикладные исследовательские интересы. Помимо автономного округа в прошлом году мне удалось поработать еще в нескольких регионах России. В силу специфики работы мне сложно сказать, где я живу. Могу говорить «здесь, у нас» и находясь в Петербурге, и на Ямале, и в Иркутске, где живут родители. Наверное, я, все-таки, живу в Петербурге, если можно назвать «живу» эти относительно регулярные визиты в собственную квартиру.

До того, как я начала работать с ямальцами, ничего меня с регионом не связывало. По окончании аспирантуры мне очень хотелось практического опыта, интересного и разнообразного. Оторваться от университета и от книг. При этом не хотелось идти на младшие позиции в исследовательское агентство. В Салехарде мне предложили большую ответственность, большую самостоятельность, свободу передвижений и, смущаюсь сказать, большие для вчерашнего аспиранта деньги. И вообще, на фоне других мест, Ямал звучал очень экзотично. Как говорит один мой знакомый, заниматься исследованиями в Москве и Петербурге — давно не интересно. А там действительно есть специфика. Очень вдохновляет, когда ты постоянно удивляешься. В итоге получается найти и описать то, что местным кажется настолько привычным, что они и не вглядываются. Я думала, и это вполне оправдалось, что получу более глубокую практическую подготовку, работая в регионе. После нескольких оговоренных первоначально проектов я поняла, что мне нравится и задержалась. Уже два года живу на два дома.

А родом я из другого, восточного региона — из Иркутска. В детстве немного жила в Магадане, так как мама работала там в институте ядерной геофизики. Смеется, что у меня травма детства и меня тянет в самые климатически-неблагополучные места — в Петербург, на Ямал.

Мама в начале 90-х сменила карьеру инженера на карьеру бухгалтера. Сейчас она занимается независимым аудитом. История её семьи почти не сохранилась. Бабушка и дедушка умерли рано, до моего рождения, когда маме было 19 лет. Мама наполовину еврейка, я — на четвертинку. Дедушка и папа — русские. Никаких традиций в семье не сохранилось, кашрута не придерживались ни раньше, ни теперь. Как минимум три поколения жили в Иркутске. В семье были врачи и инженеры. Больше ничего не знаю.

Папа занимается ремонтом и строительством. Он — из рабочих. Его семья родом из деревни в Забайкалье. После революции прабабушку, жену местного «богача», выгнали с пятерыми (если не ошибаюсь) детьми на улицу. Они нашли приют в какой-то соседней деревне, у родни. Более детально я знаю их историю с того момента, когда повзрослела бабушка и семья оказалась в строящемся городе Ангарске. Она работала на швейной фабрике вплоть до выхода на пенсию, ухаживала за своей мамой и растила папу. Мне посчастливилось пообщаться с прабабушкой, она умерла в 98 лет, когда я была уже подростком.

Родители развелись, когда мне было 11, с папой мы с тех пор общались мало.

Похоже, Ваша мама права, Вас тянет к «экстриму»... Где Вы провели свои школьные годы? В Иркутске? Чем они Вам запомнились? Что нравилось, что не очень? С 1994 года я живу в Америке, так что годы Вашего детства и юности мне мало известны...

Школьные годы прошли в Иркутске. Сложно отделить в подростковых воспоминаниях то, что связано с типичными для этого периода переживаниями (которые запоминаются больше всего) от контекста, примет времени, которые могут быть Вам интересны. Еще одна сложность — это большая разница между концом 90-х и началом 2000-х и 2002–04 годами.

Во второй половине 90-х, хоть меня финансовые вопросы семьи, конечно, не касались, я помню ужасное расслоение. Боязнь родителей задеть оказавшихся в трудном положении родных и знакомых своей помощью. Неловкость от постоянных напоминаний, что твой учитель живет на грани, если не за гранью бедности. И у нас были тяжелые времена, но, благодаря энергии, трудолюбию и таланту мамы, очень непродолжительные. Я понимаю, что было тяжелое время и очень нестабильное, непредсказуемое для биографий.

Среди сверстников — постоянные обсуждения того, у кого какая одежда, машина у родителей, ремонт в квартире (непреренно «евроремонт»), видеомагнитофон и компьютер. мода на все импортное и «фирменное». Однажды на уроке труда в младшей школе мы делали куклу-Машу по старым зарисовкам нашей учительницы. Моя подружка сказала, что шьет куклу чтобы у её Барби была горничная. Учительница была в шоке, думаю, от того, что дети всё вводили в какой-то непривычный и унижительный контекст. Конечно, тогда это выглядело естественным, только сейчас вызывает у меня раздражение. Все это характерно для младшей и средней школы, в старших классах у многих уже развилось чувство такта. Да и внешняя среда стала другой, это были уже 2002–04 годы.

Мы были детьми, когда в обиход вошел интернет. Нас с друзьями просто захватило общение в чатах и сетевые стратегии. Родители этого тоже не одобряли, но особенно не вмешивались. Сидение за компьютером давало некие гарантии, что ребенок не употребляет за углом наркотиков.

В городе в конце 90-х — начале 2000-х было беспокойно. На улице около мусорных контейнеров можно было увидеть валяющийся шприц, бродили дети, прятавшие под воротом грязных курток пакеты с клеем. Притом, жили мы не на окраине, а в самом центре. Родители очень переживали. Сейчас такого уже нет.

Написала я, в основном, про плохое и ужасное. На самом деле, общие ощущения очень светлые. Все подростковые вещи сейчас вспоминаются с улыбкой. Например, увлеченность субкультурами. К тому же, взрослые постоянно напоминали, что у нас масса возможностей, потребительских и образовательных, которых они были лишены.

Появился Интернет... наверное, читать книги уже не хотелось? Или все же... Какие у Вас интересы появились в старших классах?

Читать книги как раз и захотелось в старших классах. Не столько художественную литературу, сколько научную и научно-популярную. Наверное, это не только у меня, так как я помню, что на первом курсе мы с друзьями были широко, но бессистемно начитанны. В 10–11 классах я особенно увлеклась социальной психологией и философией. Еще помню, что зачитывалась классическим психоанализом. Даже хотела стать психоаналитиком, но недолго.

Художественной литературы я тоже читала много. В основном европейскую классику. Конечно, не прошли мы мимо «Generation П» и «Жизни насекомых». И мимо Коэльо и Мураками тоже не прошли, они тогда были очень популярны. Стихов я никогда не любила, но в 10 классе меня попросили написать на олимпиаду эссе и мы вместе с классным руководителем выбрали Бродского. Не знаю, какими соображениями руководствовалась она, но я влюбилась на всю жизнь.

Когда Вы впервые побывали в европейской части страны? Где?

Впервые побывала в Москве, проездом на юг, но помню эти визиты плохо. Первое сознательное путешествие — в Петербург. Школа организовала для нас 10-дневную экскурсию на новогодних каникулах.

Интересно, как, под влиянием чего, кого у Вас возникло желание читать книги по социальной психологии и философии? Наверное, Ваш классный руководитель знал, понимал Ваше увлечение, иначе не предложил бы Вам писать о поэзии Бродского...

Не могу вспомнить когда именно и в связи с чем я заинтересовалась социальной психологией. Может быть, это влияние школьного обществознания. У нас был прекрасный педагог. Увлеченная, с интересными современными примерами, дискуссионными вопросами. Помню, что дома быстро появились популярные вводные курсы по общей и социальной психологии Майерса, хрестоматия «Психология толп» с Лебоном и Тардом. Точно был Фрейд, «Тотем и табу», читать его было очень сложно.

Философией у меня увлекался старший брат. У него была неплохая библиотека. И он ужасно критиковал школу, учебники по литературе, истории и обществознанию. Говорил, что они бессодержательные и никакого нормального образования без первоисточников не бывает. Этот перфекционизм у него с юридического. Мы много разговаривали, я таскала его книги.

Точно помню, что одним из первых я прочитала сборник Жана де Лабрюйера. У него есть и типичные для моралистов рассуждения, но мне больше всего понравились бытовые наблюдения и анализ манер и привычек людей его круга. Очень социологические темы. Потом у меня в руках каким-то образом

оказался Макиавелли, «Рассуждения». Еще я помню «Похвалу глупости», её было здорово цитировать по поводу и без. Еще «Так говорил Заратустра», сквозь которого приходилось буквально продираться.

Сегодня я впервые попыталась восстановить последовательность своего чтения и не обнаружила никакой системы и связующего звена. Может быть, я бы выделила только тему массового сознания, но это больше относится к социально-психологическому и около социологическому кругу чтения. В основном же — скачки по популярным произведениям.

И вот Вы завершали школу... Какие были планы? С кем Вы их обсуждали?

Во-первых, хотелось в Петербург. Москву я, почему-то, не рассматривала. В последний год я собирала материалы о жизненных ориентациях, стратегиях молодых людей и девушек в регионах, где участвовала в исследованиях. И заметила, что Петербург во многих городах Урала, Сибири популярен значительно больше столицы. Здесь свою роль играют и старые связи предприятий и учебных заведений, как, например, в Красноярском крае; и страх перед Москвой, её ценами, доступными далеко не всем семьям, её социальным «климатом». У Петербурга при его столичности сформирован образ более теплый, человечный. Кажется, что здесь тебя лучше примут. Что здесь люди просто живут, не участвуют в погоне с жесткой конкуренцией. И что когда каждый камень имеет свою значительную историю, это придает значительности и твоей жизни. Пишу об этих ребятах и их мыслях, так как вижу в них себя в том возрасте.

Во-вторых, я хотела поступать на социальные науки. Металась между фундаментальным образованием и смежными прикладными направлениями (реклама, связи с общественностью). Мама с её прошлым физика и настоящим экономиста не очень понимала смысл подобных занятий, однако, не препятствовала. Даже устроила мне стажировку в рекламном отделе радиостанции, где мы писали тексты для роликов. Родственникам в целом это казалось довольно эфемерным, не настоящими профессиями.

Аттестат зрелости — в руках. И что, поехали в Петербург? Как Вас принял город? Удалось поступить?

Для нашей маленькой семьи год поступления выдался не самый легкий. Мама много болела, при этом не оставляла работы. Поэтому меня никто на подачу документов и на вступительные экзамены не сопровождал. В Петербурге я остановилась у друзей семьи, но, по большому счету, я была совершенно свободным от опеки 17-летним ребенком в большом городе. И с организационной точки зрения наделала глупостей. Подала документы в два вуза, о гуманитарном образовании которых слышала самые лучшие отзывы, но на разные факультеты. В СПбГУ на философию и в РГПУ на социологию. Поступила в оба. Потом пришлось выбирать и между вузами, и между специальностями. В Российском государственном педагогическом университете на факультете филологии преподавала наша знакомая. Она очень хорошо характеризовала факультет социальных наук, на который я подавала документы, и я решилась.

По случайности на зачислении познакомилась с другой иногородней девушкой, которая искала соседку в съемную квартиру. Она до сих пор мой лучший друг. Живет сейчас в Париже и Цюрихе.

Выбирали где поселиться, учитывая скромные бюджеты и эстетические запросы. Краины, например, Купчино, отгалкивали. Решили жить в Пушкине, недалеко от Екатерининского и Александровских парков. Дорога до университета занимала больше часа, зато место было чудесное.

Мы быстро перезнакомились и подружились с однокурсниками. Кто-то, помню, в качестве комплимента говорил моей подруге, что она совсем не похожа на костромичку. С той же интонацией, с какой в Европе можно услышать одобрительное «Вы совсем не похожи на русских». Но, в целом, я не помню особого снобизма местных сверстников. Город принял хорошо.

РГПУ – старое учебное заведение, с добрыми традициями, с интересной территорией в центре города... как пошло учение?

Интересно и легко. В первый год было много общеобразовательных курсов. Многих раздражали культурология, на которой мы готовили доклады о ведьмах в средневековой Европе, пиратах или дуэльном кодексе. Но мне нравилось. Никакого прагматического, утилитарного настроя на получение знаний, которые непременно можно будет использовать в работе, не было.

Первый профильный курс по общей социологии тоже очень увлек. Первое, что нам рекомендовали прочесть – это «Лодка на аллеях парка» Монсона, «Гуманистическая социология» Бергерова и «Введение» Баумана. Еще Гидденс и учебник, написанный заведующим кафедрой. Все это невероятно захватывало и казалось, что нет такого вопроса, на который социология не знает ответа. Магические слова «институт» и «практика» объясняли буквально все. Лектор была любимицей группы.

Уже поднимался вопрос о том, кем же студенты станут после и где будут работать. Но он еще не стоял так остро, скорее был поводом для шуток.

Территория университета располагала к общению и прогулкам. У нас было любимое место в одном из скверов. Рядом с университетом было много кофеен. Были и обычные молодежные разговоры о музыке, о клубах, о том, кто кому нравится; были и какие-то философские споры о допустимости смертной казни, сексизме, массовой культуре. За этим всем первый курс буквально пролетел.

Вы пишете: «Лектор была любимицей группы». Может назовете этого чудесного преподавателя? Что в его (её) подходе к предмету импонировало?

Это была Светлана Геннадьевна Кошкина. Сейчас она больше не работает в университете, насколько я знаю, уехала во Францию. Она была необходимым переходом от школьного учителя к университетскому преподавателю. Остальных стеснялись и побаивались, а к ней можно было прийти со своими сомнениями и глупыми вопросами. Не смотря даже на очень молодой возраст, мы называли её «мамой курса» (конечно, не лично). Этот переходный период крайне важен, мне кажется. В школе дети привыкают к иной модели взаимоотношений. Например, сказав что-то на семинаре, ждут одобрительного кивка, оценки, похвалы. Слова о том, что здесь не школа и вопросы, которые мы обсуждаем, правильного и не правильного ответа чаще всего не имеют, принимаются и становятся регулирующим принципом поведения далеко не сразу.

Кроме этого она прекрасно структурировала свои лекции, делала их легкими для восприятия вчерашнего школьника при этом не переходя грани с популизмом.

Как складывались Ваши собственные исследовательские интересы? Чем хотелось заниматься?

На первом курсе я хаотично читала. Если попытаться систематизировать, то меня занимало несколько вещей. Во-первых, летом перед поступлением благодаря родственной протекции я проработала несколько месяцев на радио в отделе, который пишет тексты для передач и рекламных роликов. Встречалась с клиентами и придумывала разные «Успех начинается с улыбки» для стоматологий. Поэтому меня интересовала реклама и то, в особенности, что практики в этой сфере должны основываться на знаниях социологов и психологов, а не только на озарениях. Но те несколько книг по социологии рекламы и социологическим исследованиям для специалистов в рекламной области, которые я нашла, мне совсем не понравились.

Во-вторых, я читала на темы, которые мне были интересны в школе — о массовом сознании, психологии толп. Снова Лебон, Тард, Юнг и другие.

Затем — современные мифологии. Я читала как современные книги, например, «Мифодизайн» Поцепцова, который создал в нашем университете лабораторию, так и классические — психоаналитический разбор мифа, морфологию сказки Проппа, открывала Леви-Стросса.

Кроме того, меня заинтересовала близкая тема — природа и механизм формирования общественного мнения, по которой я на втором году обучения писала курсовую работу. Еще на первом курсе я запаслась книгами Грушина, Липпмана, Цаллера, Гавры.

Вы писали по этой тематике курсовые, диплом? Или увлеклись другими сюжетами?

Писала курсовую о природе общественного мнения, которую, к сожалению, теперь не могу найти. В основе было три сюжета. Первый — мнение как оценочное суждение. Вокруг него строились рассуждения о том, откуда мы берем информацию, почему обращаем внимание на те или иные процессы, события и исходя из чего их оцениваем, как наши оценки опосредуются нашим окружением. Второй — субъект общественного мнения, где я пыталась не утонуть среди понятий массовое сознание, классовое сознание, габитус и других. Третий — общественное мнение как конструируемый феномен в соответствии с идеями П. Бурдьё и П. Шампаня. По сути, две разные темы. Даже не могу представить, как это все было организовано в связный текст.

Из-за чтения Бурдьё и его последователей сформировалось очень критическое отношение к опросной практике. Примерно в это время мы с однокурсниками участвовали в исследовании кафедры прикладной социологии по политической тематике. Я помню забавную дискуссию во время обсуждения результатов. Докладчик сказал нам, что молодежь в принципе аполитична, вопросы эти её не заботят, не привлекают внимания. При этом распределения в разрезе возрастных

групп комментировал: «молодежь в целом считает...». Как же так, интереса нет, а мнение есть? Судя по тому, что я слышу и читаю сегодня, наивные вопросы не остались на нашем втором курсе.

Темой я затем не занималась вплоть до последнего времени. Сейчас интерес уже больше вытекает из практики, из необходимости корректно комментировать данные и желания сделать некоторые обобщения на тему механизмов восприятия власти и не только. Тогда же я натолкнулась на множество ответвлений и связанных интересных сюжетов, философских и социологических, которые и увлекли.

Увлеклись... и что? что последовало?

Ни одна из тем, которые мне были интересны на первых курсах, не стала предметом долгосрочных исследований. Дальше были феноменология и курсовая о множественных реальностях Щюца. Интересы вырисовывались не сразу, четкой единой линии не было. Этому способствовало построение учебного плана: история социологии, социология международных отношений, гендерная социология, СМИ, общественное мнение, труд, этносоциология, социальная антропология ... Если ты начинал как ответственный студент читать литературу по курсу и готовиться ко всем семинарским занятиям, сосредоточиться на чем-то одном возможности не было. Но появлялись какие-то опорные точки. Коллективные представления, общее знание, повседневность и, прежде всего, её ментальные составляющие, групповая идентичность и практики. Из теоретиков – Бурдьё, Гидденс, феноменологически-ориентированная социология, структурализм.

Каждое из направлений затрагивает вопросы языка – Пьер Бурдьё с рынком символических ценностей и разбором официального языка, Энтони Гидденс с разделением дискурсивного и практического сознания, Ирвин Гофман, рассматривавший язык как один из классовых символов, идея фоновых практик и речевых практик как их разновидности в социологии повседневности, наконец, структурализм и лингвистический поворот. В итоге это привело к социолингвистике и социологии языка. Однажды глаз зацепился за небольшой абзац о теории развернутого и ограниченного кодов Базила Бернштайна. Имя было не знакомо по нашим курсам. Я выписала название работы. И чем больше я читала о социолингвистике, тем больше проникалась интересом и, возможно даже, сожалением, так как хотелось более солидной лингвистической базы. Дипломную и кандидатскую я писала по теории и истории социологического изучения языка.

В чем суть подхода Б.Бернштайна, какого рода проблемы позволяет исследовать его методология?

Базил Бернштайн в русскоязычных источниках, в основном, упоминается как создатель варианта теории языкового изоморфизма, который критикуется. Но его работы шире. В англоязычной традиции, насколько я могу судить, он известен как социолог образования.

Во-первых, развивая теорию образовательных неудач и неравенства шансов детей из рабочего и среднего класса, он переводит неравенство не только образовательное, но и любое, связанное с функционированием институтов, из плоскости разговоров о воспитанности и интеллекте даже не в языковую, а шире – в социокультурную плоскость. Язык как средство социального различия работает и как средство социальной селекции. Здесь он очень близок

к Пьеру Бурдьё. У последнего на эту же тему есть статья «Les categories de l'enlèvement professoral» (Категории профессорского понимания). Речь даже не о неравенстве, не о том, чтобы рассмотреть различия в одном измерении — выше/ниже, средний класс/рабочий класс. Речь о любом доминировании социальной группы, о том, что организации имеют не только утилитарное, но и конвенциональное экспрессивное измерение, о распознавании «своих» и «чужих» в разных средах.

Меня эта тема интересовала еще в одном приложении. В РГПУ я достаточно часто сталкивалась с педагогами. Не хочется навешивать ярлыки, но я рискну охарактеризовать их как блюстителей норм — многим было свойственно рассуждать в категориях должного и стигматизировать. Дистанция, отделяющая современного школьника от классической культуры, в том числе и языковой, воспринимается многими как проблема, с одной стороны, психологическая или социально-психологическая, связанная с «испорченностью» молодежи, с другой, как проблема самого общества. Школьники же рассматриваются как единая категория, без территориальных, социально-классовых и половых различий. О том, что эти практики функциональны в молодежной среде, или о том, что школьники совсем не однородны с точки зрения языковых практик, не говорится. В этой теории я увидела хороший критический потенциал.

Во-вторых, теория Бернштайна и других социологов языка дает понимание языка группы как функционального, имеющего генетическую связь с историей, актуальными потребностями, местом группы в «социальной топологии». Его работы помогают анализу социальных сред, логики их функционирования через анализ их языковых практик. Примеров масса — и приведенный с молодежным сленгом, и субкультурные практики, и, например, язык чиновничества и языковое сопротивление интеллигенции официальному языку.

Еще в практическом отношении этот подход позволяет анализировать ключевую лексику целевых групп, например. Но это уже разговор не только о Бернштайне, а о направлении в целом.

Какую тему вы избрали для дипломного исследования, как в ней использовались методология, выводы Бернштайна?

Диплом был посвящен истории изучения социальной обусловленности языка. По сути, я старалась собрать, систематизировать опыт изучения социальной дифференциации языка, терминологию и подходы, найдя им параллели в социологии. В центре внимания было направление, идущее от тезиса о вертикальном и горизонтальном членении языка Бодуэна де Куртене через российских социолингвистов начала века, американских исследователей 50, 60, 70-х годов — изучение социальных вариантов речи, источников вариативности и всего, что с ними связано (языковая общность, социальные функции языка, официальный/неофициальный языки, просторечье, социолекты и т. д.). Очень интересовали возможности применения к языку понятий социальная практика, социальный институт. О социолекте иногда говорят как о коде, но, в действительности, границ, подобных границам между национальными языками (когда можно сказать, например, что это французское слово, а это немецкое), между ними нет. Это — тенденции в речи, которые существуют, воспроизводятся, только по средством практик.

Дополнительно я пыталась связать все это с другим направлением, социосемнологическим (Ролан Барт, например) и социальной феноменологией. Вообще, в ней интерес к языку в социологии проявился особенно остро. Например, в книге «Социальное конструирование реальности» впервые (возможно, я ошибаюсь) упомянуто название дисциплины — социология языка. Это направление сосредоточено на идеальных основаниях социальной жизни. Представление о социально-формируемой когнитивной структуре, лежащей в основе социального действия, приводит к размышлениям на тему: а как же лучше изучить эту структуру. Очевидно — с помощью языка. Язык имеет своим основанием те же категории, что лежат в основе восприятия, оценивания, действия, но проявляются в нем с большей для наблюдателя очевидностью.

Параллельно меня заставляли четко отделить социолингвистику от социологии языка, дать используемым в социолингвистике понятиям релевантные для социологии определения, в целом, интерпретировать социолингвистическую проблематику в социологическом ключе. Что сделать, на мой взгляд, сложно, да и не нужно. Социальные науки имеют общее проблемное поле, общих влиятельных интеллектуалов, общие методы. Не понятно, что и куда интерпретировать. А насчет границ — меня этот вопрос особенно ставил в тупик. Искусственно сочинять перегородки там, где их нет — занятие схоластическое. Разнятся только цели — узнать что-то новое о языке, изучив социальные условия его функционирования, или об обществе — заглянув в его языковое «отражение» (не дословно привожу слова Н. Б. Вахтина).

Маша, хотелось бы понять, в какие годы это все происходило... когда Вы поступили РГПУ и когда окончили? Какую профессию Вы получили и каким был Ваш следующий шаг?

Я поступила в 2004. Закончила университет с дипломом специалиста по социологии в 2009. Сразу же поступила в аспирантуру, на 22.00.01. Буквально не выходя с кафедры. Очень хотелось уехать, но здоровье и трусливость или трусливость и здоровье не дали. Друзья нашли мне курс на английском в Сорбонне (по-французски я могу только читать, да и то с трудом и словарём). Стипендию на эту программу я получить не могла, но на скромную жизнь мне бы хватило и так. Иногда жалею, что не уехала тогда хотя бы на год. Но это еще вопрос будущего.

Примерно те же проблемы, что и в дипломе, в более углубленном и структурированном виде переключались в диссертацию. Она не была до конца схоластической, я опиралась на вторичные источники и даже делала небольшой кейс-стади. Но определенный отрыв от практики был. Однако это не самое страшное, я читала несколько современных интереснейших и самодостаточных работ по истории и теории.

В начале и моя работа казалась мне довольно интересной. Потом мы её подгоняли под защиту, так как один из рецензентов на предзащите указал, что работа, в которой разбирается проблема произношения «th», не может считаться социологической и тому подобное. Он стоял за кафедрой, цитировал фрагменты, в которых приводились отсылки к эмпирическим исследованиям социолингвистов, а я заламывала руки под столом и бледнела. Пригласили лингвистов. Предложили защищаться по двум специальностям. Я подумала, что не переживу.

Наверное, целый год переписывали. Формулировали положения, выносимые на защиту. Они были довольно симпатичные, но там нечего было защищать. То есть в аудитории специалистов, которые знают корпус исследований, нечего. А в аудитории неспециалистов нужно было защищать саму возможность интереса к этому предмету и постановки вопроса о языковой практике. Собственно это и не дало изначально сосредоточиться на более узкой теме и делать эмпирическое исследование. И эта подгонка была для меня деструктивным занятием. Если бы не доброжелательность заведующего Алексея Васильевича Воронцова, не советы замечательного профессора кафедры Ольги Константиновны Крокинской, и, особенно, не мой научный руководитель с обширным филологическим бэкграундом, Алексей Владимирович Шевцов, я бы, возможно, бросила. Он меня много критиковал и смешил. Однажды сделал fogindex для главы моей диссертации. Он мне дал повод критически осмыслить стиль моего письма. Говорил, что усложненный строй – это «провинциальщина».

У меня на тот момент была семья. Было НКО, с которым мы делали проекты для общественных организаций и чиновников, работающих с молодежью и национальными объединениями, с мигрантами. В этот период я ездила в Амстердам, Роттердам и Гаагу на стажировки по организации социальной работы и помощи мигрантам. Но, к сожалению ли, к счастью ли, это не стало моей профессией.

Аспирантом я преподавала на факультете социальных наук в РГПУ и там же, на психолого-педагогическом факультете, читала курс общей социологии будущим социальным психологам. Преподавать мне нравилось и я иногда скупаю по студентам. Хотя не все было гладко. Я выглядела не очень серьезно в те годы, буквально как их сверстница, и у меня были проблемы с авторитетом. Были и конфликтные моменты, когда я не понимала, как вести себя, соблюдая этику и не отказываясь от своих принципов. Например, однажды студентка написала эссе, выдержанное в том ключе, что предназначение человека, все его особенности и склонности предопределены богом, современный ум порочен, так как пытается рассуждать о социальных условиях, культурах, делает женщин похожими на мужчин, а мужчин – на женщин и тому подобное. Я старалась отделить то, что обусловлено разностью наших мировоззрений от нарушений в логике аргументации и прочих моментов, о которых этично вести дискуссию. Но этот опыт я запомню навсегда.

Также в эти годы я часто самостоятельно путешествовала, в основном, по Европе.

Я защитилась в 2013. Текст был готов вовремя и даже раньше, но на момент моей предполагаемой защиты шла реструктуризация советов в СПбГУ и РГПУ и защищаться было просто негде.

Последние два года после защиты я занимаюсь прикладными эмпирическими исследованиями. Часто меня просят даже опустить теоретическую часть – она увеличивает объем, заказчикам её сложно и не нужно читать. Нужны выводы, нужно указание на риски и их источники, рекомендации. Поэтому проделанная в рамках дипломной и кандидатской работа кажется мне пустым теоретизированием. Настолько, что мне даже сложно сформулировать людям из других сфер, в чём была её суть. Поэтому я воспользуюсь характеристикой специалиста, к которому прислушивалась.

Е.В. Головки, один из ведущих социолингвистов в России, согласился прочесть текст, подготовленный на предзащиту, потом сам написал живой отзыв на защиту. И помимо критических замечаний сказал, что работа ему понравилась, что она представляет собой, по большей части, очень хороший анализ теоретических подходов, максимально широкое в истории российской лингвистики и социологии обобщение проблем связи языка и социального. Он даже был согласен выступить оппонентом, но кто-то у нас в совете сказал, что мы, социологи, ведь не ходим на защиты в Институт аэрокосмического приборостроения. Отдельные его замечания были не слабым «щелчком по носу», но, в целом, отзывы не дали разувериться в себе. И я искренне надеюсь, что сегодня это просто очередной перегиб, что интерес и уважение к чисто книжным занятиям ко мне вернется. Наверное, это дает самое большое удовлетворение.

Была мысль заново переписать текст и издать его, но пока не дошли руки, и я слишком занята в суматошной беготне от одного проекта к другому. Еще занимаюсь самообразованием.

Вернемся к началу... В какой организации Вы работаете на Ямале, пожалуйста, опишите это место.. кто там живет? чем эти люди занимаются?... и, собственно говоря, что Вы там исследуете?

На Ямале я работаю с Департаментом внутренней политики округа как эксперт (это формальное название, вошедшее в последнее время в моду, ни в коем случае, не характеристика уровня моего профессионализма) и еще провожу исследования по заказу других организаций. Я провожу фокус-группы, фокусированные индивидуальные интервью, планирую массовые опросы и анализирую данные, также — работаю совместно с узкими специалистами, привлеченными для исследований, например, с этносоциологами, этнографами. В прошлом году мы вместе с этносоциологом Игорем Михайловичем Кузнецовым занимались комплексным проектом по адаптации детей из семей мигрантов в школе. Моя часть состояла из серии интервью с детьми и школьными экспертами, совместной работы над количественной частью, совместным же написанием отчета. Для сложнейших интервью с подростками из семей мигрантов и родителями нам удалось привлечь опытного интервьюера, специалиста по миграции Светлану Боброву из Тюмени.

К сожалению, я пока мало общалась с тюменскими социологами. Очень надеюсь, что в будущем году исправлюсь. Различные проекты сталкивали нас с молодым и энергичным руководителем исследовательской компании Шамилем Фарахутдиновым. Его call-центр делает для нас поле в мониторинге кризисных проявлений и некоторых других опросах. Меня захватили его новаторские идеи о выборках, в которых я не являюсь специалистом. Я удивляюсь, как такие молодые люди успевают к тридцати с небольшим столько всего сделать.

Я не встречала лучшего организатора, чем директор другой компании, Виктор Викторович Пить. Он умудряется быть в нескольких местах одновременно — в Тюмени, Москве, Петербурге, ХМАО, Рио... Параллельно контролируя с десятков проектов и лично отвечая на все вопросы по работе своих интервьюеров. Я завидую.

Еще один человек, которого я не могу не упомянуть, — это Светлана Александровна Манохина, одна из немногих, кто развивал исследования на Ямале, ставил поле и поддерживает его. Без нее моя работа была бы невозможна. Если позвонить Светлане Александровне вечером и попросить организовать фокус-группу, скинуть требования и квоты, то на утро она уже дает результат. Немного всё утрирую, конечно, но меня поражают столь организованные люди. И не хотела бы я работать у нее интервьюером! Ужасно строгий руководитель, а в полевых документах комар носа не подточит. И это так важно, доверять коллегам, с которыми работаешь.

Тематика исследований широка. То, на чем специализируюсь я как аналитик, — социально-политическая ситуация в регионе и муниципальных образованиях, динамика проблемного фона, анализ рисков, напряженности, информационного поля и «отклика» на него населения. Это и анализ данных опросов, и индивидуальные и групповые интервью, и блогосфера.

Второй крупный блок на сегодня — изучение того, как люди воспринимают медийные образы людей и проектов, различные решения, которые придумывают дизайнеры и копирайтеры (слоганы, плакаты социальной и политической рекламы и т.д.). В таких вещах, например, в тестировании слоганов, я пока чувствую себя не очень уверенно, но это невероятно любопытно и максимально близко к тому, что меня интересовало прежде, социолингвистике и семантике.

Третье и, пожалуй, наименее интересное, — это опросы электорального цикла, рейтинги, прогнозы. Я не плохо знаю теорию, но не могу и не хочу привнести в эту область что-то новое и творческое, наверное, от этого и не интересно. Не интересно, так как тема, мне кажется, чужда и самим изучаемым, очень далека от сферы актуально- и потенциально-доступного для них.

Собственные интересы на сегодня концентрируются вокруг двух тем. Первая — это молодежь глубинки, ее стратегии, в том числе миграционные, понимание успеха и пути к нему. Сейчас мы с Владимиром Ивановичем Ильиным и его аспирантом Артемом Чернегой, специалистом по социологии туризма, готовим заявку по этой теме, и я очень надеюсь, что она будет поддержана.

Второе — территориальная идентичность и образ территории. Самое интересное из того, в чем мне удалось принять участие на Ямале, — это исследование территориальных идентификаций жителей двух очень непохожих друг на друга частей округа, восточной и западной. Мы работали над инструментарием и отчетом вместе с Надеждой Юрьевной Замятиной. Я буквально влюбилась в её работы и работы её супруга. Она очень интересно приложила идеи Бурдые о капитале к имиджу территории. Идея отчасти очевидная, но сформулированная с такой ясностью и красотой и, главное, нашедшая в её работе практическое применение. Отчасти на основе моей работы на Ямале был создан интересный информационный и имиджевый проект «Живем на Севере». Надеюсь, что скоро выйдет большая статья на эту тему. После этого проекта мне только и хотелось, что рассказывать всем о 70-ках, романтиках Арктики, отношении городских жителей к ненецкой культуре и обиду северян за то, что их в Москве считают богатыми простаками. Наверное, я порядком утомила всех друзей.

В последнее время практика сложилась так, что я провожу и, особенно, пишу очень много отчетов по фокус-группам. В прошлом году я делала аналитику по 7 регионам, включая Красноярский край, Калмыкию, Свердловскую область,

Московскую область. Побывать, правда, удалось не везде, но аудиозаписи и транскрипты дают возможность услышать живую речь, как люди, находящиеся за тысячи километров отвечают на твои вопросы. Это удивительно. И я никогда еще так много не бывала в России и, в особенности, в маленьких городах. И этот опыт можно сравнить со вторым высшим образованием. И еще не до конца ясно, что сделает меня в итоге хорошим специалистом — чтение книг или это постоянное общение и бесконечные выходы из зоны комфорта, привычного круга.

Но, несмотря на путешествия, Ямал — основное.

Сложно в двух словах ответить на Ваш вопрос и рассказать, кто там живет, в той же мере, в какой было бы сложно рассказать, кто живет в Петербурге, или в Иркутске, или в Париже. Начну я с нескольких людей, с которыми работаю.

Первый человек, с которым я познакомилась там, — это Алексей Валерьевич Ардышев, руководитель экспертно-аналитического управления в Правительстве. Он замечательный, на мой вкус, фотограф, блогер и увлекается экстремальным спортом — снегоходами, квадроциклами. Прежде чем приехать на Ямал в первый раз, я, конечно, нашла его харизматичный ЖЖ. Мне понравились и живые фотографии, и острые комментарии и показалось, что работать в такой компании должно быть интересно. Его работа — организовывать различные направления аналитики, получение информации, необходимой Правительству.

Второй важный человек в моей работе — это Оксана Владимировна Головешко, которая курирует проведение опросов в Правительстве. Она работает с исполнителями, принимает результаты.

Было бы странно, если бы исполнитель говорил о профессиональных качествах заказчика. Поэтому я расскажу одну небольшую историю, на мой взгляд, характерную, и буду надеяться, что Оксана Владимировна не будет на меня в обиде. Несколько лет назад, еще до нашего знакомства, у неё вызвало сомнение качество проведенного по заказу департамента поля. И она самостоятельно, по согласованию с проводившей исследование компанией, организовала повторный контроль. Со своими сотрудниками сделала контроль по телефону, собрала адресные планы поселений, чтобы сопоставить с маршрутными картами, организовала выезд в несколько поселков, чтобы провести самостоятельно адресный контроль, связалась в последствие с профессиональной ассоциацией, чтобы получить независимую экспертизу. Не знаю, насколько типичен такой подход для госслужащих, курирующих в регионах исследования.

Больше всего я бываю в Салехарде, административном центре округа. Удивительно, насколько мало люди знают о городе. И удивительно, насколько мало любят его местные-приезжие (я бы выделила такую отдельную группу, которые и не старожилы, и не мигранты последних лет). Стереотипы о северных городах, конечно, простительны жителям других регионов. Отчасти, оправданы их прошлым опытом — кто-то был в молодости в строящихся поселках, в которых работали почта, медпункт, два магазина. Но это и не так важно. Важно для атмосферы в городе, как относятся к нему сами горожане. Салехард — старый город. Не стану утомлять Вас историй, но она есть, есть и старожилы. Они любят родные места. Полюбили красивый, яркий, словно игрушка, маленький и уютный город и те, кто переехал в последние условно 5—7 лет. Но есть какая-то пока сложноопределимая для меня категория людей, которые и не местные, и не

приезжие, живут в городе больше 10–15 лет, но не любят его и постоянно сравнивают с «нормальными» городами. А у приезжих из Москвы или Петербурга спрашивают: «Как Вас сюда-то занесло?».

Вообще, Салехард – это Вашингтон местного значения. Серьезные, деловитые, но, в то же время, дружелюбные и открытые люди. По крайней мере, с такими я сталкиваюсь.

Города в восточной части округа – Ноябрьск, Новый Уренгой, Надым, – захватывающе тем, насколько коротка их история. Когда я бывала в действительно старых городах, я ощущала, что Санкт-Петербург – молодой. И это так странно, находиться в городе, который младше твоих родителей, сверстник некоторых твоих друзей. Специфическое отношение жителей к месту, которое выросло на их глазах, имеет и некоторые следствия, важные для моей работы, например, в восприятии миграции. Но это еще и просто удивительно, когда 40-летний человек возит тебя по городу, показывает современные здания, торговые и спортивные центры, больницы, школы и рассказывает, что здесь в его детстве еще почти ничего не было. Конечно, изначально многие люди приезжали туда работать, зарабатывать, обустраивать жизнь на «земле» себе и детям. Но сейчас видно, как некоторые стремятся переопределить возникшие вокруг добычи города как места постоянного жительства, в которых могут остаться их дети, внуки. Это создает особенно трепетное отношение к материализации истории, например, появлению памятных табличек на домах в честь первопроходцев, открытию скульптур. И, что удивительно, дети могут внятно объяснить, кто этот дядя, в честь которого названа улица, на которой он живет. Может, я немного идеализирую.

Можно ли понять Ваш рассказ так, что ближайшие годы Вы связываете с жизнью и работой на Севере?

Если честно, сейчас мне сложно ответить однозначно. Наверное, мне придется и дальше совмещать жизнь в двух местах. У меня много планов, незаконченных дел, много желаний и дружеских привязанностей в разных городах. На сегодня я могу сказать, что только набралась опыта и попробовала себя в разных сферах, поняла, что мне интересно и в чем я могу стать лучше. Моя мечта на ближайшие годы – совместить прикладную работу с более неутилитарными занятиями, серьезно заняться собственными интересами, публикациями, залезть, наконец, в папку «Наброски и идеи» на рабочем столе.

Из того, что мне бы хотелось начать и закончить – исследование жизненных стратегий молодежи глубинки, которое мы запланировали в четырех регионах – ЯНАО, Коми, центральной России и на Кубани, серию биографических интервью с северянами, демонстрирующих, как складывается территориальная идентичность, несколько частных тем, касающихся анализа социально-политической ситуации, так как у меня накопилось много наблюдений, наконец, тема, вытекающая из моей диссертации и связанная с анализом коммуникативных кодов в социальных сетях. Наверное, это выглядит разбрасыванием, но сконцентрироваться и двигаться вперед – это легко только в теории, в статьях разнообразных коучей, а в жизни сделать выбор отказаться от чего-то значительно сложнее.